

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Продолжая начатую в первом номере публикацию глав из II тома «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»¹ академика М. И. Ростовцева, журнал предлагает вниманию читателей VI главу, которая называется «Государство и культура Боспорского царства».

В этом номере помещена первая часть главы, в которой М. И. Ростовцев анализирует особенности государственного строя и экономики Боспора в эпоху правления Спартокидов. Вторая часть VI главы посвящена рассмотрению государственного устройства Боспорского царства в римскую эпоху, и она будет опубликована в следующих номерах журнала.

В отличие от V главы «Государство, религия и культура скифов и сарматов»², дошедшей не полностью, глава VI (за исключением небольшого пропуска во второй ее части) сохранилась в архиве М. И. Ростовцева целиком. Правда, необходимо отметить, что первая часть VI главы, завершающаяся анализом ремесленного производства Пантикапея, все же производит впечатление определенной незавершенности. Но отсутствие заключения в конце первой части можно объяснить особенностями научно-литературного стиля М. И. Ростовцева. Для всего «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» характерен прежде всего композиционный прием, по которому обобщающие выводы либо предпосылались детальной разработке отдельных тем или конкретного материала, либо следовали за такими источниковедческими экскурсами. Поскольку в VI главе, так же как и в V, упомянуто о предшествующем специальном изложении политической истории Боспора (вероятно, гл. IV), то разбор вопроса о характере государственного устройства и экономической жизни Боспора является одним из таких специальных экскурсов в общей структуре ростовцевского повествования.

Текст рукописи VI главы и краткий комментарий к ней подготовлены к изданию В. Ю. Зуевым. Редколлегия и автор публикации благодарят Ю. Ю. Пиотровского и Э. Д. Фролова, оказавших большую помощь в этой работе.

¹ Об именно таком названии труда Ростовцева, который известен ныне под заглавием «Скифия и Боспор», см. Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 23. 1948. № 331. Письмо М. И. Ростовцева к Б. В. Фармаковскому от 1.VIII.1918.

² ВДИ. 1989. № 1.

ГЛАВА VI.

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

1. ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ
ЭПОХИ СПАРТОКИДОВ

Боспорская тирания представляется очень своеобразным и единичным явлением в конституционной истории античного мира. Ее нельзя назвать ни чистой военной тиранией типа сиракузской, гераклейской и многочисленных кратковременных городских тираний IV и следующих веков, представительниц так называемой младшей тирании, ни чистой *basileia*, т. е. царской властью восточного или эллинистического типа.

От греческой тирании даже младшего типа ее отличают прежде всего ее длительное многовековое существование и ее удивительная прочность, между тем как раз основным признаком греческой младшей тирании является ее кратковременность и почти исключительно личный, а не наследственный характер, во всяком случае не характер длительного заслужившего как таковой общее признание учреждения *. От той же греческой тирании боспорский архонтат и царскую власть отличает и ее двойственность, двусторонность, выражающаяся в том, что боспорские тираны, по крайней мере со времени Левкона I, выступают как архонты греков, живущих в Боспоре и Феодосии, и в то же время как цари народов, живших на азиатской стороне Боспора под властью своих местных царей. Наконец, не имеет аналогий в греческой тирании тот факт, что основные институты греческой *polis* — народное собрание и совет, *δημος* и *βουλή* — не действуют и, очевидно, не имеют конституционного существования в городах Боспора; во всяком случае мы не имеем до сих пор ни одного ни литературного, ни эпиграфического свидетельств, которые хотя бы намекали на существование этих учреждений, между тем как в Херсонесе и Ольвии этих свидетельств более чем достаточно.

Но, с другой стороны, боспорская тирания не есть и чистая *basileia*. Это явствует уже из титула *άρχων*, который боспорские владыки носили, как мы видели выше, вплоть до последних моментов своего существования, наряду с этим и из всего монетного дела Боспора, сохраняющего вплоть до времени последних тиранов (во всяком случае, до Левкона II) свой чисто городской характер, что, например, типично и для сиракузской тирании Дионисия и его преемников.

Этим своеобразным характером боспорской тирании объясняется то, что ей уделяется так мало внимания исследователями государственно-правовых институтов Эллады. Белох (Gr. Gesch. II, 181 слл. ²) считает ее военной тиранией, не входя в ближайшее рассмотрение вопроса; Э. Мейер не дает никакого государственно-правового определения (Gesch. des Alt. IV, 77, § 430 слл.) ³; Низе (Gesch. d. gr. und mak. St. I, 412) ⁴ считает ее строй удержавшейся на долгое время городской царской властью, но в то же время говорит о тирании; почти то же мы найдем и у Курциуса (Griech.

* Таково было уже мнение в античности, см. Cl. Ael. Var. hist. VI. 13. У эллинов упоминаются как продолжавшиеся по векам и переходившие к потомству следующие тирании: Гиерона в Сицилии, Левконидов в Боспоре и Кипселидов в Коринфе (Sc. T. I. C. 608) ¹.

Gesch. I, 455) ⁵. Наиболее подробно и ясно говорит о боспорской тирании Бек (SIGr. II, стр. 109) ⁶, сравнивающий ее, как и Белох, с сицилийской тиранией. Удивительно, что Пёльман, дающий очень хорошую и полную картину младшей тирании (Iг. Gesch. § 166 сл.) ⁷, совершенно не упоминает о боспорской державе; не упоминает он даже о факте первостепенной важности для истории Афин V и следующих веков, т. е. о ближайших отношениях между Афинами и боспорскими тиранами. Характерно, что и специальные работы о тирании проходят боспорскую тиранию почти полным молчанием. Так, Пласс (Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. I—II, 1852) ⁸, дающий превосходную характеристику гераклейской тирании (I, 83 и 256 слл.; II passim; работу Пласса ни разу не указывает Арел, Die Tyrannis von Heraklea, 1910) ⁹, упоминает боспорскую державу только один раз (I, 261), причисляя ее к полуварварским царствам. Ни разу не упоминает Боспора и Свобода в специальной работе о греческой тирании (Zur Beurteilung der griechischen Tyrannis. Klio, XII (1912), 341 слл.), где очень подробно говорится о сиракузской тирании. В общем надо сказать, что после Бека ни в специальной литературе о Боспоре, указанной выше, ни в работах по греческому государственному праву и истории не было сделано попытки разобраться во всем имеющемся материале и осветить боспорскую тиранию как с исторической, так и с государственно-правовой точки зрения. Кое-что, намеченное мною в моих прежних работах, дает в последнее время Штерн в статье: Die politische und soziale Struktur der griechischen Colonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes. Hermes, L (1915), 161 слл.

При таких условиях мне представляется необходимым попытаться дать на основании предшествующих изложений политических судеб боспорского царства, частью с повторением некоторых вышеизложенных данных, общий очерк государственно-правовой физиономии Боспора и выяснить, прежде всего, исторические причины прочности сложившегося в силу исторических обстоятельств политического строя боспорской державы.

Необходимо, прежде всего, иметь в виду выясненное в предыдущем историческом очерке постоянное и ближайшее отношение Боспора к соседнему скифскому царству. Надо помнить, что в момент своего возникновения греческие города Черноморского побережья стояли к скифскому царству в таких же вассальных отношениях, как города Малой Азии к персидскому царству, и что в этом отношении боспорская тирания очень близка к мало-азиатским тираниям IV и последующих веков, где, как, например, в Карию, мы наблюдаем и тот же двойственный характер тирании. В этом отношении особенно поучительно сравнение и историческая связь тирании боспорской с тиранией понтийской Гераклеи.

Надо помнить также, что постепенное укрепление Боспора стоит в теснейшей связи с судьбами скифского царства, никогда не отказывающегося от своих прав сюзеренитета на города черноморского побережья и всегда усиленно борющегося за укрепление или восстановление этих прав. Мы видели, что скифская опасность всегда была главным и реальнейшим фактором в политической истории Боспора и что твердая государственная конституция Боспора сделалась возможной только тогда, когда мощь скифской державы была потрясена главным образом напором с Запада. Постоянная опасность со стороны скифского царства была тем цементом, который сплачивал около власти и греческие, и негреческие элементы боспорской державы, видевшие залог своей самостоятельности, своего экономического и культурного процветания в разумной и твердой военной политике Спартокидов.

Еще большее значение имеет, однако, рано и прочно установившаяся связь с Афинами, генезис истории которой выяснен был в предыдущих главах. В этом отношении особенно крупную роль сыграла экономическая структура Боспорского царства и то положение, которое в этом отношении заняли в нем Спартокиды. Эта структура обеспечивала Боспору постоянную поддержку со стороны Афин даже тогда, когда Афины должны были отказаться от своих прав на гегемонию. Афины ясно видели, что их преимущественное положение на Боспоре, бывшее для них особенно в IV в. до Р. Хр. вопросом жизни и смерти, обуславливается поддержанием прочного порядка в боспорской державе, стоявшего в теснейшей связи с прочным положением боспорских властителей в среде их ближайших подчиненных. Эти три фактора — скифская опасность, поддержка фракийцев и постоянная политическая и экономическая связь с Афинами были теми условиями, на которых держалась власть Спартокидов и которые обеспечивали ей прочность и длительность.

Для того времени, которое нам ближайшим образом известно и в которое установилась и занимающая нас государственно-правовая форма, особенно важен третий из указанных факторов, главным же образом решающая роль Спартокидов в хозяйственном строе Боспора и поэтому в отношениях между Боспором и Афинами. Напомню то, что уже было выяснено и подкреплено доказательствами в предыдущем изложении. Контрагентом Афин в их экономической связи с Боспором, главным образом в торговле хлебом, было не гражданство греческих городов державы, а почти исключительно Спартокиды и их семья как частные лица. Они одни, а не Боспор как таковой получают, как это определено засвидетельствовано Демосфеном, ателию в Афинах. В возмещение за это Спартокиды гарантируют афинянам своими эдиктами (*ἐπιβουλὰς*), т. е. административными распоряжениями, а не законами, с одной стороны, протопрасию, с другой, ателию, т. е. свободу от высокой вывозной пошлины на хлеб, которую должны были платить остальные конгратенты Спартокидов. При этом указанные права получают сначала все афиняне, а затем все те кущцы, которые вывозят хлеб в аттические гавани.

Ясно уже из этого, что боспорские владыки, равно как их синдские родственники и вассалы, сосредоточили большую часть хлебного вывоза в своих руках. О монополии вывоза, конечно, не может быть речи; мы увидели, что многие пантикапейские граждане принимали деятельное участие в этом вывозе. Но преимущественная роль Спартокидов несомненна. Она подтверждается и вышеприведенными свидетельствами о вывозе Левконом в критический момент огромного количества зерна на афинский рынок и о продаже его им там по сравнительно низким ценам.

Из каких источников получали боспорские владыки то огромное количество зерна, которое они затем вывозили в Афины? Вспомним то, что мы говорили об аналогичных операциях позднейших конкурентов Спартокидов — Птолемах, Лисимахе, Антигоне и других эллинистических монархах, получавших свой хлеб преимущественно из натуральных платежей колонов, сидевших на их земле, и частью от натуральных платежей греческих городов, вспомним о десятине Гиерона II в Сицилии, которую он него унаследовали римляне, и о такой же десятине, которую взимал Писистрат с афинских граждан, и мы должны будем признать, что наиболее вероятным источником доходов Спартокидов были натуральные повинности, которые они взимали с земледельцев, обрабатывавших земли, которые Спартокиды считали своей собственностью, а также натуральные

повинности, платившиеся им гражданами греческих городов, владевшими землей.

Это априорное предположение подкрепляется рядом прямых свидетельств. Ближайший помощник Сатира и начальник его наемных войск Сопэй получает от него крупные земли, которые напоминают нам $\gamma\eta\ \epsilon\nu\ \delta\omega\rho\epsilon\zeta$ эллинистических владык, см. Isokr., Trapez. (XVII), 3: «Отец мой, судья, — Сопэй, который, как знают все плавающие в Понте, так дружен с Сатиром, что находится над большой областью и имеет попечение о всех его владениях» (SC. T. I. C. 356, 357).

Еще интереснее сведение о Гилоне. Эсхин говорит совершенно определенно о получении им Кефов как $\delta\omega\rho\epsilon\zeta$ после передачи им Боспору Нимфея. См. Aesch. c. Ktes. § 171: «...он прибыл в Боспор, получил там в дар от тиранов так называемые Сады», ср. Zos. Asc. v. Dem. (VIII, p. 18, ed. Dind.)¹⁰: «Дед его Гилон, предав Нимфей — одно местечко в Понте, должен был подвергнуться за это суду, но бежал к властителям Понта и, получив от них на пропитание так называемые Кефы, какие-то места...» (SC. T. I. C. 369, 370).

Приблизительно то же мы слышим для времен Левкона I или II. См.: Pol. strat. VI, 9. Левкон сместил триерархов своего флота; чтобы не возбудить в них подозрения, он «...родственникам подозреваемых вручил власть и управление селами, показывая тем благосклонность к ним» (SC. T. I. C. 565).

Наконец, Диодор рассказывает об Евмеле (XX, 25), что он дал тысячу каллатийцев, искавших и нашедших у него прибежище, город и землю: «...город для поселения, а кроме того разделил на участки так называемую Псою и область» (SC. T. I. C. 478).

В очень позднее время, при Тейране¹¹ мы встречаемся с особым чиновником, который носит титул $\delta\ \epsilon\pi\iota\ \tau\eta\varsigma\ \text{Παρισάδος}$. Вполне вероятно, что $\eta\ \text{Παρισάδος}$ ($\chi\omega\rho\eta$) — это домены последнего Перисада, перешедшие от него к Мифрадагу и через него к его правопреемникам.

Конечно, сведения эти очень скудны и относятся к разнообразному времени, но все-таки они дают нам ясное свидетельство о том, что Спартокиды считали себя собственниками территории Боспорской державы и распоряжались ею по своему усмотрению, раздавая ее и в лен, и в качестве клеров для военных поселенцев, выделяя из нее и земли, которые они как позднейшие эллинистические монархи считали своей ближайшей собственностью и на которой они вели самостоятельное хозяйство. К сожалению, мы не можем локализовать ни местности $\Psi\delta\alpha$, ни даже с уверенностью сказать, что полученные Гилоном К η фо: — действительно город этого имени на Тамани, а не любая иная местность, известная своими садами. Во всяком случае и то, и другое представляет из себя, очевидно, крупные земельные комплексы, которые могли удовлетворить политического честолюбца и дать возможность существования тысяче военных поселенцев. Сами употребленные для Кефов выражения — $\delta\omega\rho\epsilon\zeta$ и $\chi\alpha\rho\iota\sigma\mu\ \sigma\delta\alpha\iota$ — показывают, что мы имеем дело с понятиями, которые в более позднее эллинистическое время имеют техническое значение.

Несколько иллюстрирует нам состояние этой земли, которой Спартокиды распоряжаются как своей собственностью, указание на то, что земельные богатства Спартокидов распадались на $\chi\omega\rho\iota\sigma\mu$ — деревни, управление которыми, т. е. сбор натуральных повинностей с которых, Левкон передает родственникам смещенных триерархов. Характерно, что разделение земли на $\chi\omega\rho\iota\sigma\mu$, заселенные крепостными, характерно и в более позднее время как раз для местностей, населенных фракийцами. Об этом

говорят многие и многие свидетельства, особенно эпиграфические, иллюстрирующие нам экономическую и социальную структуру придунайских местностей. Об этом же говорит и Страбон, характеризуя крымскую степь между Феодосией и Пантикапеем (Страбон, VII, 4, 4): «От Феодосии до Пантикапея около 530 стадий; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемой Нимфей», ср. VII, 4, 6: «Что же касается Херсонеса, то за исключением горной области на морском берегу до Феодосии (т. е. пун. южный берег. — М. Р.), вся остальная часть его представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: земля, вспаханная как попало любым пахарем, дает урожай сам-тридцать. Жители давали в дань Мифрадату 180 000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра вместе с азиатскими местечками возле Сяндики. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб к Эллинам, подобно тому как соленая рыба из Меотиды. Рассказывают, что Левкон послал из Феодосии Афинянам 2 100 000 медимнов» (SC. T. I. С. 124, 126).

Эти места Страбона в высокой степени характерны, причем, несомненно, идут из одного и того же превосходно осведомленного источника. Из них мы не только видим, что вся восточная часть степного Крыма была заселена оседлым населением, жившим в деревнях, как противулежащий Таманский полуостров *, но что эти деревни платили дань прямо боспорскому владыке, что определенно сказано для Мифрадата, где эти *κῶμαι* названы его именами (*χωρία*), и что можно распространить и на Левкона.

Положение жителей этих *κῶμαι* иллюстрируется дальнейшими словами Страбона или его источника (Посидоний или Артемидор). Продолжая говорить о населении земледельческой области около Пантикапея и Феодосии, он указывает: «Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами вследствие того, что народы, обитавшие выше их, были номады, питавшиеся мясом разных животных, преимущественно кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой (последняя, будучи особым образом приготовлена, составляет для них лакомство). Поэтому-то поэт и назвал всех местных жителей млекоедами. Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани не для наживы, а для удовлетворения ежедневных потребностей; в случае же неуплаты денег арендаторами начинают с ними войну» (SC. T. I. С. 126, 127)¹².

Таким образом, скифы, владельцы степного Крыма, держат земледельческих его поселенцев в состоянии крепостной от себя зависимости. Надо думать, что и Спартокиды вносили с них такой же *φόρος*, гарантируя им безопасность силою оружия.

Очень интересно отметить, что такие же условия господствовали и во Фракии. Полиэн (VII, 32) рассказывает о Севфе следующее: «Севф, наместник Керсоблепта, из-за нехватки денег приказал каждому из земледельцев засеять для него участок на пять медимнов. И они засеяли — большое количество земледельцев. Когда уродилось большое количество зерна, он, отвезя это зерно к морю, продал его, сбавив немного цену, так что быстро собрал Керсоблепту множество денег».

Совершенно та же история рассказывается Ps. Arist. Oec. II, 26 об Ификрате и царе Котисе (ср. Melber. Fleck. Jahrb. Suppl. XIV, 472)¹³.

* Ср. о земледельческой жизни Боспора Plin. n. h. XXXI, § 2: «В Боспоре, например, было три случая выпадения соленых дождей, пагубным образом действовавших на посевы...» (SC. T. II. С. 196).

В этом рассказе, оригинал которого сохранил, вероятно, Полиэн, интересно отметить зависимость крепостных $\chi\epsilon\omicron\rho\omicron\tau\omicron\iota$ от царя или его ленников, принудительную работу этих крепостных на землях господина, причем семена, очевидно, давал последний, перевоз к морю урожая и продажу его там купцам, т. е. роль владельца земли как крупного торговца хлебом. Характерно, что в таком же положении находится местное фракийское население по отношению к Гераклеотам, как об этом свидетельствует Посидоний (fr. 16; Athen. VI, 263 C), и по отношению к Византийцам, что передает нам Филарх (Phyl. fr. 10^a; Athen. VI, 271 B). Везде мы имеем земледельческое население, работающее на господ.

Наконец, вполне возможно, что фракийцами же являются крепостные иллирийцев, анекдот о которых Феопомпа (fr. 41; Ath. X. 443 A—C) передан и Полиэном (VII, 42), где только вместо Ἀριαῖοι говорится об Ἀυταριάται . Характерно, что здесь для обозначения крепостной зависимости употреблено слово προσπέλαται , то же, которое мы найдем позднее примененным к крепостным земледельцам Тамани.

Кто были по своему этническому составу крепостные Спартокидов, об этом, конечно, говорить трудно. Приходится, однако, вспомнить, что центром киммерийской державы на берегах Черного моря был Боспор Киммерийский и что киммерийцы уступили здесь место скифам и грекам.

Вряд ли, однако, все то, что получали Спартокиды, получалось ими как дань или натуральная повинность с их крепостных. Известие о каллатийцах показывает нам, что земля принадлежала и отдельным гражданам, частью военным поселенцам. Установить отношение этих клерухов к земле, конечно, невозможно. Мы не знаем, сами ли они обрабатывали землю, или пользовались для этого трудами местного закрепощенного населения, что вероятнее. Нас здесь ближайшим образом интересует вопрос, платили ли они, а также ленники Спартокидов, какую-либо натуральную повинность.

Сказать что-либо определенное по этому вопросу невозможно. Весьма вероятно, что в Державе Спартокидов он разрешался то в одну, то в другую сторону сообразно обстоятельствам и тем отношениям, которые складывались между архонтом и гражданством. В этом смысле, по крайней мере, я склонен был бы толковать известные слова Диодора об Евмеле (Diod. XX. 24): «...он согласился на сохранение беспощлинности ($\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\alpha\nu$), которой пользовались жители Пантикалея при его предках, обещая освободить всех от податей ($\tau\omega\nu \epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\omega\nu$), и говорил еще о многом другом...» (SC. T. I. C. 477).

Текст этот, конечно, далеко не может называться определенным и допускающим только одно толкование. Τέλη может обозначать и прямой налог с имущества, и ввозную пошлину. Мне, однако, представляется более вероятным, что имеется в виду τέλη γῆς , вопрос о которых всегда был острым в тиранически управляемых греческих городах, а не вывозные пошлины, в которых более всего заинтересованы были экспортеры, в значительной части своей, как увидим ниже, не пантикапейские граждане. Вопрос о вывозной пошлине сверх того был не только вопросом внутренней, но и внешней политики Боспора. За предложенное объяснение говорит и то, что τέλη здесь сопоставляется с εἰσφορά . Между тем относительно значения понятия εἰσφορά сомнений быть не может: это, как и в Афинах (см. последнюю работу J. M. Stable, *Die εἰσφορά und ihre Reform unter dem Archon Nausinikos*. Rh. Mus. 1912. 391 сл.), экстренный имущественный налог на имущество для покрытия главным образом военных нужд. Взимание этого налога вместо воинской службы должно было, конечно, быть оскорбительным для свободного греческого гражданина. Выше

я уже обратил внимание на то, что прямой налог, по всей вероятности, введен был воинственным Перисадам I и при нем же *εἰσφορὰί* сделались особенно тягостны.

Ясно, таким образом, что натуральные доходы Спартокидов должны были быть очень велики. К этому, конечно, нужно еще присоединить дань с вассальных династов, а также коммерческие операции Спартокидов, о которых еще будет речь, скупку ими хлеба у соседних династов, взымавших его со своих земледельческих колоний*.

Каким путем попали в руки Спартокидов крупные земельные владения и как они подготовили для себя типичное для эллинистических держав признание своих прав верховной собственности на всю территорию державы, об этом, конечно, не говорят нам наши скудные источники. Но весьма возможно, что основа положена была, как и в Гераклее, конфискацией имущества изгнанных и бежавших аристократов, из рук которых Спарток, Сатир и их преемники вырвали власть.

О таком насильственном захвате власти, вероятно, в связи с особенно тяжелой борьбой со скифами, говорит свидетельство о большом количестве изгнанников из Пантикапея в первые годы упрочения Спартокидами их власти.

Так, по свидетельству Исократ (Тгарез., 3) сына Сопрэя обвинили в том, «...что и отец мой злоумышляет на его (Сатира. — В. З.) власть...» (SC. T. I. C. 357), а по свидетельству Анон. Рег. Р. Е. § 51 в Феодосии находилось немало таких беглецов и изгнанников: «...говорят, жили некогда и изгнанники из Боспора...» (SC. T. I. C. 283).

Естественно, что имущество этих изгнанников перешло в руки Спартока и Сатира, как позднее в Гераклее имуществом изгнанников завладевает Клеарх.

Напомню здесь еще то, что я говорил выше о синдах Тамани и сатархях Крыма. Эти быстро эллинизовавшиеся до известной степени земледельческие поселенцы Крыма и Тамани и раньше уже, как мариандины в гераклеической области, платили дань своим господам — местным династам, скифам, а затем грекам. Естественно, что после переворота, в котором они могли сыграть ту же роль, что мариандины в эпоху Клеарха в Гераклее, сюзеренные права над ними перешли в руки Спартока и его преемников.

Число этих подданных увеличилось завоеваниями в области меотов, отдельные племена которых постепенно переходили в вассальные отношения к боспорским владыкам и их союзникам — синдским династам**.

* Огромное значение земледелия для хозяйства всего Боспора и для хозяйства самих Спартокидов подчеркивается также их чеканом. На золоте и серебре Пантикапея эмблема колоса играет немалую роль. То же мы видим и на монетах синдов и Фанагории. Характерно, что нимфей вместо этой эмблемы берет виноградную лозу. Это позволяет думать, что нимфейцы, как и херсонесцы, развили у себя виноградарство, принесенное туда, может быть, афинянами. Наряду с колосом второй эмблемой пантикапейских монет является рыба. Очевидно, и рыбная ловля была тем источником, который давал боспорским тиранам возможность выпускать в обращение обильное и превосходное золото и серебро. Можно ли также истолковать и голову быка на пантикапейском серебре, для меня не совсем ясно. На обильное коневодство, может быть, указывает реалистическое изображение лошади на серебре (два слова размыты. — В. З.) пантикапейского чекана.

** Войны Спартокидов и, вероятно, повторявшиеся время от времени карательные экспедиции в области скифов, меотов и позднее сарматов, давали возможность Спартокидам вести и оживленную торговлю рабами. Возможно, что этим путем попадали в Афины те скифы-лучники, которые так хорошо известны нам на основании

Созданное таким образом необычайно сильное экономическое положение боспорских династов все более укреплялось затем сложившимися между ними и Афинами отношениями, гарантировавшими Спартокидам и постоянный приток материальных средств и, в случае нужды, политическую и военную поддержку.

При таком постепенном росте власти и имущественном положении Спартокидов естественно сложилась и двойственная физиономия Спартокидов как архонтов, т. е. тиранов, по отношению к гражданам греческих городов, и царей — по отношению к местным племенам главным образом на азиатской стороне их державы. В первом направлении Спартокиды шли по той же дороге, по которой шла вообще младшая тирания в Греции. И на Боспоре их власть, конечно, покоилась на узурпации, причем тиран официально принимал титул уже существующий, только усиленный особыми полномочиями власти (см. Swoboda. *Klio*, XII (1912), 346). Во втором они, естественно, удерживали те отношения, которые покоились на старой традиции. Синды и меоты искони жили в условиях подчинения монархической власти и других форм подчинения, конечно, не признали бы. Боспорские владыки заняли по отношению к ним то же место, которое занимали до них скифские цари. О полном подчинении тут вряд ли может быть речь. Отдельные племена сохраняли, конечно, и теперь обычное свое устройство и продолжали подчиняться своим местным династам. Боспорские владыки были их сюзеренами, как раньше скифские цари.

Такой же двойственный характер носит и должна была носить главная опора их власти — войско. Основу их войска составляли, конечно, наемные силы, гражданство должно было быть, как и в других тираниях (Swoboda, I. с. 349, 5), по возможности разоружено. В войске и флоте основной силой были наемники, достаточное количество которых обеспечивалось огромными средствами, находившимися в распоряжении Спартокидов. Из них прежде всего состояли гарнизоны греческих городов (*φρουραὶ*), на обязанности которых лежало наблюдение за поведением греческого населения (см. Аен. *Poliorc.* II, 2)¹⁶. То же мы наблюдаем и в Сицилии (см. чисто военные титулы ближайших помощников Дионисия *Beloch. L'Impero etc.* 21 сл.)¹⁷. Напомню уже вышеприведенные свидетельства об аркадских наемниках Левкона I, о наборе в Пирее сыновьями Левкона, о войске Сатира II, где рядом с тысячью греков сражалась тысяча фракийцев, о надписи война-пафлагонца, принадлежащей IV в., наконец, о постоянно находимых в Керченских гробницах изящных расписных терракотовых статуэтках, изображающих кельтов и принадлежащих III—II вв. до Р. Хр. (см. Bienkowski, *Die Darstellungen der Gallier in der hellenistischen Kunst.* Wien. 1908. 193. рис. 156—158; Winter F. *Die Typen der figürlichen Terrakotten.* Berlin—Stuttgart, 1903, Bd II, 884. № 2; A. Reinach. *Mon. Piot.* XVIII. 96 сл., рис. 24). Как ни толковать эти последние как статуэтки кельтских наемников или как статуэтки боспорских дружинников, воспринявших кельтское вооружение, присутствие кельтских элементов в войсках боспорских владык несомненно.

свидетельств греческой комедии, и несли в Афинах функции полицейских. См. о них в последнее время Plassart, *Rev. des ét. gr.* 1913, 151 сл.¹⁴ Интересно и большое количество меот в Афинах и в Греции вообще. Надо думать, что они по большей части рабы или бывшие рабы; см. IGr. II, 3158—3161, ср. III, 2516. Там же сармат — *ibid.* 2897. Меоты на Родосе — *Bull. de corr. hell.* X. 339, 6; в Арголиде — *ibid.* XIII, 189, 10¹⁵. Ср. Латышев, *IOSPE I*², 528.

Но наряду с этим наемным войском появляются вскоре и другие контингенты. В борьбе между Сатиром II и Евмелом играют, как мы видели, чуть ли не решающую роль с одной стороны скифы, с другой — сираки, вероятно, сарматское племя, как союзники того и другого.

Эти союзные элементы боспорского войска — речь идет именно о союзниках, а не о вассалах — представляли, однако, большую опасность. Самое появление их вызвано было критическим положением царства с одной стороны, трудностью вербовки контингентов войск, с другой. Не забудем, что мы находимся в эпохе эллинизма, когда все державы почти всецело переходят к наемным войскам и когда конкуренция с богатейшими царями Египта, Сирии, Пергама и др., не говоря уже об отдельных богатых греческих городах, становится все труднее и труднее.

Характерно, что в начале III в. до Р. Хр. мы застаем боспорцев в составе войск Птолемея Сотера или Евергета, как показывает недавно найденная в Фаюме надпись (см. W. Sherwood Fox, Amer. Journ. of Arch., XIX (1913). 72 — два имени в списке Φιλόνιχος Βοσπορίτης и Μο[λ]κάρ[ο]ρ[α]ς Β[οσπ]ορίτης).

Неудивительно поэтому, что боспорская власть вынуждена в лице победителя в споре Евмела пойти навстречу боспорскому гражданству, сделать ему ряд уступок, чтобы иметь возможность опереться в своей борьбе с соседями и на гражданское войско. Ясно, что при таких условиях Евмел охотно дает приют у себя тысяче каллатийцев, создавая из них, вероятно, обычную в эллинизме военную колонию.

Появление гражданского войска необычайно осложнило все положение боспорских владык, власть которых все более и более имела тенденцию превращаться во власть обычных эллинистических монархов. В известиях Полиэна о Левконе II мы видим, как трудно было Спартокидам младшего поколения справиться со своим гражданским войском и как им приходится для того, чтобы удержать это войско в своих руках, разыгрывать против него тех же союзников — скифов, меотов, сарматов, для ослабления значения которых в войске пришлось *volens nolens* призвать в войско гражданские контингенты.

Ту же картину имел перед глазами и Лукиан, когда он создавал свои боспорские новеллы, черпая отдельные черты из эллинистической историографии. В Тох. 54 он говорит: «Немного спустя напал и Еввиот, ведя с собою поголовное ополчение эллинов и приглашенных на помощь Аланов и Савроматов в количестве двух тысяч» (SC. T. I. C. 560—561).

Характерно, что в выше набросанной картине эволюции войска Спартокидов, которую еле намечают наши скудные источники, мы нигде не видим войска, набранного из местных подданных боспорской державы, синдов, сатархеев и покоренных меотов. Очевидно, как и в большинстве эллинистических держав, эти элементы не годились для войска и к ним прибегали только в крайних случаях.

И организация войска рисует нам, таким образом, боспорских владык как типичных греческих тиранов, превращающихся постепенно в эллинистических монархов, точку отправления для чего дает им их царское положение по отношению к бесправному населению принадлежащих им территорий, с одной стороны, вассальным им племенам, с другой, и союзным варварским державам, с третьей.

Тем не менее окончательного превращения власти Спартокидов в эллинистическую βασιλεία мы не видим. Правда, в титулатуре младших Спартокидов титул βασιλεύς чем далее, тем более выдвигается на первый план, иногда совершенно вытесняя титул ἄρχων, правда, боспорские вла-

дыки имеют тенденцию украшать себя обычными для эллинистических царей прозвищами, но до самого позднего времени все-таки титул *ἀρχων* продолжает составлять часть их официальной титулатуры, и нет нигде указаний на то, чтобы на Боспоре появилось что-либо напоминающее обожествление монархов, в той или иной форме обычное для всех эллинистических держав. В высшей степени характерно то, что появившееся было при Перисаде I начало такого обожествления вполне аналогично тому, что мы видим в Сиракузах (см. Plut. Dio. 13; E. Meyer. Gesch. d. Alt. V. 97; Holm. Gesch. Sic. II. 459¹⁸; Freeman. Hist. of Sic. IV. 216¹⁹; но ср. Swoboda. I. с. 349, 3, отрицающего обожествление для Дионисия Старшего и признающего его только для Младшего), заглохло и дальнейшего продолжения, насколько мы знаем, не имело.

Причиной этого я считаю то положение, которое вынуждены были силою обстоятельств занять младшие Спартокиды по отношению к гражданству, необходимость считаться с ним и пользоваться для удержания своей власти и поддержания державы греческими гражданскими контингентами.

При этом, однако, характерно, что боспорская тирания все-таки удержалась и боспорская держава все-таки продолжала существовать даже тогда, когда прежде положение изменилось, т. е. исчезла и более тесная связь с фракийцами и могущественная поддержка Афин. Это надо приписать прежде всего тому, что боспорская тирания была необходимостью, одинаково ясной и для греков и для негреческих подданных державы, а также то, что это положение было правильно осознано самими владыками и искусно ими использовано. Они сумели в нужные моменты использовать одни силы против других, ловко лавировали между теми двумя элементами, которые спорили в соседних степях за власть — между скифами, с одной стороны, и сарматами, с другой, и выдвигали подчас эти элементы для поддержки своего положения внутри государства.

В этом отношении очень поучительна и несомненно исторически правительна картина, которую дает Лукиан в своей новелле *Toxaris*. Вполне возможно, что поздние эллинистические династы Боспора платят скифам дань (*δασμός*), см. гл. 44, ср. 55, вполне убедительная картина того мира, который дает никогда не существовавшего царя Левканора, где рядом со скифскими послами сидят династы соседних племен азиатской стороны, вполне возможна реальность родственных связей боспорцев с меотийскими и сарматскими династами. Ту же картину рисует и эллинистический источник Полиэна в рассказе о Тиргатае. Отвлекаясь от идеализации скифов, о которой речь была выше во введении, от общего новеллистического и романического характера со всеми выдуманскими именами и искусственной ситуацией, мы должны признать, что общая схема соответствует исторической действительности.

Выясняется таким образом, что боспорская конституция пережила два периода: один — доэллинистический, другой — эллинистический. В первый период она очень близка к младшей греческой тирании, во второй она приближается к тому положению, в котором находились пергамское царство и другие более мелкие малоазийские эллинистические монархии. В оба периода мы наблюдаем, однако, почти одинаковую государственно-правовую формулировку власти, а также одинаковую экономическую базу, на которой прочно зиждется власть Спартокидов: они были и остаются крупными землевладельцами и крупными хлебными торговцами-экспортерами.

В самом содержании власти заметны, однако, довольно определенные отличия, хотя тут сведения наши очень скудны и неравномерно распреде-

лены. Больше всего знаем мы о первом периоде, для второго же наши сведения чрезвычайно ничтожны.

Характерно, что по отношению к внешнему миру боспорские владыки первого периода выступают даже в пределах самого царства совершенно как частные лица: так в надписи аркадцев, в проксениях Перисада I, в часто упоминавшемся декрете афинян. Это характеризовало для греков тирана как такового, и потому неудивительно, что большинство греков называют боспорских владык именно этим именем (см. Ael. Var. hist. VI. 13; Aesch. c. Ktes. § 171; для стойков, сильно идеализировавших Спартокидов, они представители βασιλέων, см. Plut. de Stoic. div. 20; Dio περί βασ. 76 слл., ср. выше) (так в рукописи).

Позднейшие Спартокиды со времени Спартока II, как показывают вышеприведенные свидетельства, выступают вне государства исключительно с титулом царей, и внутри государства иностранцы дают им тот же титул.

Не носят каких-либо определенных титулов в старшем периоде и их ближайшие сотрудники. Так, например, Исократ не обозначает никаким титулом положения Сопэя при дворе Сатира I, хотя он был ближайшим помощником Сатира и, может быть, даже командовал его войском. Не дает никаких титулов и старшая афинская надпись представителям сыновей Левкона I, хотя они, конечно, занимали высокое положение на Боспоре. Характерно, что и высшие жрецы Боспора, принадлежавшие к высшей аристократии и занимавшие, вероятно, немаловажные посты, носят только титул жрецов Аполлона (см. ниже). Совершенно иную картину дадут нам надписи римского времени. В этом отношении боспорская тирания разнится даже от сиракузской, где помощники Дионисия носили титулы эпарха и стратега. Характерно, что, судя по имеющимся сведениям, и позднее Спартокиды не ввели у себя всей серии бюрократических титулов, свойственной эллинистической монархии.

Важно отметить, что в раннее время международные отношения не имеют характера отношений между двумя державами. В этот период между Афинами и Боспором не было симмахии, не существовало никакого договора. Отношения регулировались декретами афинян, с одной стороны, магистратскими актами (κηρόγματα), с другой. Настоящий договор появляется только со времени Спартока II.

Высшая военная и судебная власть принадлежала боспорским владыкам во все периоды полностью. Судебные функции иллюстрируются много раз упоминавшимся делом Сопэя.

Как высший магистрат боспорский владыка эпонимен. Все официальные документы эпохи Спартокидов возглавляются его именем и полным его титулом в редких надписях. Но счета годов правления мы не видим нигде, и на монетах старшего периода имя магистрата не фиксируют. Только со времени Левкона II появляются монеты с именем и титулом царя, позднее и с его портретом, но характерно, что золото Перисадов, Гигиенонта и Акиса повторяет тип монет Лисимаха и почти не дает индивидуального портретного изображения владык.

Наиболее интересно то, что нигде мы не видим никаких указаний на какие бы то ни было учреждения, так тесно сросшиеся с существом греческой πόλις. Конечно, наши сведения очень скудны и эпиграфика эпохи Спартокидов очень бедна. Но вряд ли случайно то, что ни в одном документе ни разу не упоминаются ни δῆμος, ни βουλή, ни какое-либо другое учреждение. В Сиракузах при Дионисии и в Пергаме это было иначе (см. Swoboda, I. c. 349, ср. Wilhelm, Oest. Jahresh. III. 162 слл., ср. Holm. Gesch. Sic. III. 356). Во всяком случае это остается типичной особенностью

Боспора и показывает, насколько сильна и близка к монархической была власть боспорских архонтов. В связи с этим стоит, вероятно, и то, что такие характерные для греческих городов акты, как дарование проксений, так редки на Боспоре. Мы имеем всего две проксении, исходящие от Перисада I как частного человека.

Эта сдержанность в осуществлении прав, принадлежащих по общему греческому обычаю народу, типична для боспорских владык вообще. Имея реальную власть и осуществляя ее, они избегают формального подчеркивания этого положения.

Так, в первый период они, как кажется, выступают в общественной жизни без каких бы то ни было инсигний власти. На афинском декрете в честь сыновей Левкона они изображены в виде обычных афинских граждан.

Только в самое позднее время при последних Перисадах мы видим на их монетах их голову, украшенную царской диадемой.

Из сказанного ясно, что боспорская власть, создавшаяся в особых исторических условиях и развивавшаяся в совершенно особой среде последовательно и почти без перерывов, не находит себе полной аналогии ни в одном из уголков античного мира. Для всех отдельных характеризующих ее черт находятся аналогии и объяснения; как целое она представляет исключительное и оригинальное явление в государственно-правовой жизни античности.

Мы увидим ниже, что многие типичные ее черты удержались и в более позднее время.

О социальном строе державы Спартокидов мы знаем очень мало. В высшей степени интересно было бы знать, как велико было греческое население городов державы и насколько чист был состав этого населения. Но ни для первого, ни для второго данных у нас не имеется. Историческая топография городов боспорской державы нам неизвестна. Правда, ход пантикашейской стены зафиксирован, но мы не знаем, какому времени принадлежат эти стены, и потому не в состоянии исторически использовать площадь города для приблизительного указания численности населения хотя бы для одной какой-либо эпохи.

Не знаем мы и того, насколько велики были примеси негреческих к греческим элементам населения. Статистика по надгробиям и очень трудна и малоубедительна. Многие надписи с трудом датируются, а тот факт, что для доримского времени почти не встречается негреческих имен, очень мало убедителен, так как эллинизированные местные элементы легко могли менять свои имена на греческие.

Несколько больше дают вышеупомянутые списки граждан IV—III вв. до Р. Хр. из Горгиипии, нын. Тамани, и Нимфея. Больше всего местных элементов в Горгиипии (выше) (*так в рукописи*), почти чисто ионийским является список Тамани, сравнительно чистым оказывается и список Нимфея (IOSPE IV, 205). Но эти скудные данные и мало убедительны и мало показательны.

Показательнее хороший язык надписей, но и здесь крупных документов у нас очень мало. Еще показательнее чисто греческий ритуал погребения в пантикапейском некрополе, если отвлечься от больших курганных погребений, где сказываются традиции, сближающие этот ритуал с ритуалом греческих геройских погребений Ионии и с ритуалом больших курганных гробниц Македонии и Фракии.

Трудно сказать также, как велик был приток свежих греческих сил в города Боспора и каков был состав граждан других городов, живших

в городах Боспорской державы. Кое-что знаем мы только о наемниках, главного материала для остальных — декретов о проксении — у нас почти нет. Тем не менее, несомненно, что в Пантикапее жило или пребывало немалое количество греческих неместных купцов. Исократ (Тразез. 54) рассказывает нам, как Сатир собрал всех навклеров и просил их выступить в Афинах на суде в защиту его протезе. Еще интереснее сведения Полиэна (VI, 9, 2) о том, как Левкон II берет взаймы у купцов-боспорцев деньги и затем заставляет их защищать себя. Из этого видно, что купцов-навклеров было много и что они составляли одну или несколько корпораций, может быть, содержали даже свою вооруженную стражу.

Много ли боспорцев занималось торговлей, особенно хлебным вывозом, сказать невозможно. То, что так мало боспорцев имеется в декретах о проксениях соседних городов, городов Эллады и Малой Азии, показывает скорее, что дело это находилось в их руках. Мы имеем единственное свидетельство о Сопэе, но не знаем, был ли он боспорцем (Isokr. Тразез. 4) *. Напомню, кроме того, о том, как близок он был к правителю.

Думается, однако, что богатые боспорцы были в большей мере сельскими хозяевами и помещиками, чем торговцами. Крупные помещики нами неоднократно засвидетельствованы: напомним Сопэя, Тизона, родственников отставленных Левконом II триерархов. Вообще крупное землевладение, как кажется, было типичным для боспорской области. Так, Демосфен с. Лакг. 31 рассказывает, что Лакрит вез коское вино и соленую рыбу «...из Пантикапея в Феодосию для какого-то земледельца, на продовольствие полевым рабочим...» (SC. T. I. С. 367).

Крупным промыслом был, несомненно, обмен с близлежащими племенами, т. е. роль посредников между греческими купцами, ввозившими свои товары и закупавшими сыр, и местным, негреческим населением. Думается, что значительная часть гражданства именно этим и занималась. При этом несомненно, что часть вывозимых из Пантикапея вещей не приходила готовыми извне, а готовилась на месте. Выше в археологическом введении я старался показать, что в Пантикапее существовала цветущая школа торевтов и ювелиров, процветало здесь также, вероятно, и литье из бронзы, и приготовление предметов вооружения. Существование специальной пантикапейской торевтики я считаю доказанным. Нет никаких оснований думать, что вещи, приготовленные применительно к вкусу скифских и иных соседей Боспора, делались не в Пантикапее и других городах Боспорского царства, а в каком-либо другом центре. Часть их показывает такое знание быта, политического и религиозного уклада скифов, каковое мы не имеем никаких данных предполагать для иных мастеров кроме тех, которые жили в пределах Боспорского царства и находились в постоянных сношениях с туземцами. Распространение дубликатов одних и тех же вещей, как, например, горитов чертомлыцкого и ильинецкого, массы золотых бляшек одних и тех же штампов предполагает близкий центр, в котором эти предметы производились.

То же надо сказать и о бронзовых поделках, преимущественно конских уздечных и иных наборах. Их массовое распространение в ближайших к Пантикапее скифских курганах, постоянство и вместе с тем разнообразие их форм говорит за центр производства, ближайший к местожительству скифских племен.

* Isokr. Траз. 4: «Нагрузив два корабля хлебом и дав денег отправил меня одновременно и с торговой целью, и людей посмотреть...» [перевод дан по: ВДИ. 1968. № 4. — В. 3.].

Магазины Пантикапея, Фанагории и других городов Боспорского царства, где запасались нужными им продуктами приезжавшие из окрестностей туземцы, набор вещей, который везли с собой боспорские купцы в степи, в такой же мере составлялся из вещей, введенных из Греции и Малой Азии, как и из вещей, изготовленных в пантикапейских мастерских.

Кроме торевтики и бронзового литья процветали, несомненно, и другие отрасли производства. Среди них видную роль играли, несомненно, поделки из дерева. Вряд ли позволительно предположить, что резные саркофаги, например, ввозились в готовом виде. Эти хрупкие предметы, конечно, изготовлялись на месте.

КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ VI.1

¹ Тексты древних авторов, приводимые М. И. Ростовцевым на языке оригиналов, воспроизведены здесь по книге: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I—II. Спб., 1893—1904. (далее SC). Авторские сноски обозначены звездочкой.

² *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd I—II. Strassburg, 1893—1904.

³ *Meyer Ed.* Geschichte des Alterthums. Bd I—V. Stuttgart — Berlin, 1884—1902. Bd IV. Das Perserreich und die Griechen.

⁴ *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Teil. I—III. Gotha, 1893.

⁵ *Curtius E.* Griechische Geschichte. 6. Aufl. Bd I—II. B., 1906.

⁶ *Corpus inscriptionum Graecarum.* V. II.

⁷ *Poehlman R.* Griechische Geschichte und Quellenkunde. B., 1914.

⁸ *Plass H. G.* Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Bd I—II. Bremen, 1852.

⁹ *Apel H.* Die Tyrannis von Heraklea. Halle an S., 1910.

¹⁰ В качестве публикации источника М. И. Ростовцев пользовался изданием: *Dindorf G.* Demosthenes ex recensione. V. VIII: scholia graeca ex codicibus aucta et emendata. Oxonii, 1855.

¹¹ Тейран — боспорский царь (275/76—278/79 гг. н. э.).

¹² Этот фрагмент М. И. Ростовцев приводит и в характеристике сведений Страбона о скифах в I томе труда, который известен под названием «Скифия и Боспор». О содержании этого сообщения Ростовцев пишет там следующее: «Здесь еще яснее, чем в общей характеристике быта скифов (у Страбона.—В. З.), проглядывает та картина, которую давали реальные бытописатели, картина государства, жившего на счет соседей и постоянно делавшего набеги на мирное земледельческое население» (Скифия и Боспор, 1925. С. 101).

¹³ *Melber J.* Über die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyaeus // Jahrbücher für classische Philologie... Suppl. XIV. 1885. S. 417—688.

¹⁴ *Plassart A.* Les archers d'Athènes // Revue des études grecques. 1913. P. 151—243.

¹⁵ *Inscriptions funéraires de Rhodos* // Bulletin de correspondance hellénique. P. 337—340.

¹⁶ *Aeneas Tacticus.* Commentarius Poliorceticus / Recensuit A. Hug. Lpz, 1874.

¹⁷ *Beloch K. J.* L'Impero Siciliano di Dionisio // Memorie della Accademia dei Lincei. Ser. III. V. VII. 1881. P. 221—235.

¹⁸ *Holm A.* Geschichte Siciliens im Altertum. Bd I—III. Lpz, 1870—1898.

¹⁹ *Freeman E.* The History of Sicily from the Earliest Times. V. I—IV. Oxf., 1891—1892, 1894.